


Желание
женщины

**Читайте
любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой
в серии «Желание женщины»:**



*Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
В Коктебеле никто не торопится
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Первый шаг к мечте*

Людмила

МАРТОВА

ПЕРВЫЙ ШАГ
К МЕЧТЕ



МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Оформление серии *С. Курбатова*

Мартова, Людмила.

М29 Первый шаг к мечте : [роман] / Людмила Мартова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-093983-1

Отправляясь в эту командировку, сотрудница юридической фирмы Нина не думала, что окажется в атмосфере английского детектива. Уединенная усадьба, хозяин которой недавно покинул этот мир, его многочисленные и совсем не дружные родственники, собравшиеся, чтобы присутствовать при оглашении завещания... Не хватает только снегопада, который отрежет усадьбу от внешнего мира! Но реальная жизнь — это не роман Агаты Кристи, и задача Нины не расследовать преступление, а обеспечить соблюдение юридических формальностей. Или предчувствие ее не обманывает и чисто английское убийство может произойти и в российской глубинке?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093983-1

© Мартова Л., 2018
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2018

«Я увидела, что добро и зло неразделимы.
Трудно объяснить.
Понимаешь ли... наши поступки только символы,
сами по себе они ничего не значат.
Наши побуждения — вот что важно».

«Право же, в жестокости судьбы
есть некоторая утонченность».

Э. Л. Войнич
«Сними обувь твою»

В поезде пахло едой, и Нина чувствовала голод. Вообще-то она старалась не есть после шести и сегодня плотно пообедала перед дорогой, но запах вареных яиц и жареной курицы, доносящийся из соседнего купе, был невыносимо приятен и разжигал аппетит вместе с воспоминаниями.

Воспоминания тянулись из детства. Того самого детства, которое Нина давным-давно запретила себе вспоминать. Когда-то мысли о нем, прекрасном светлом периоде ее жизни, были так мучительны, что Нина заставила себя больше никогда-никогда о нем не думать. Сначала получалось не очень, но с годами она привыкла.

И вот сейчас детство вернулось. Ударило исподтишка, добралось до нервных окончаний через запах курицы и яиц вкрутую. Мама всегда варила их в дорогу, когда они отправлялись в отпуск на море, и не было ничего вкуснее этой поездной еды, к которой прилагались обязательные помидоры, красные-красные, с тонкой просвечивающей кожицей, еле сдерживающей на-

пор яростно рвущейся наружу сочной мякоти. А еще спичечный коробок с солью.

Нина макала в коробок поочередно то яйцо, то помидор, а мама ругалась, потому что соль становилась влажной, розовой, комковатой, с вкраплениями яичного желтка. Нине нравилось представлять, что это цыплята, клюющие соленые крупинки.

Мама и папа нет. Нет слишком давно для того, чтобы плакать, но глаза против воли наполнились слезами, и Нина быстро потеряла их ладонями, не заботясь о макияже. Чертова курица. И есть ужасно хочется.

Она покосилась на соседа по купе. Высокий, кажется, симпатичный мужчина, чем-то неуловимо похожий на писателя Чехова, точнее, на его портрет, с детства знакомый любому советскому школьнику. Да и российскому, наверное, тоже. Мужчина заметил ее взгляд.

— Ужасно есть хочется, — пожаловался он. — Эта соседская курица так пахнет, что можно с ума сойти.

— Я тоже сижу и про это думаю. — Нина невольно улыбнулась, хотя всего полминуты назад ей вовсе не хотелось улыбаться. — По-моему, еда в поезде обладает какой-то особой магией. К примеру, мой сын в детстве очень плохо ел, но стоило нам сесть в поезд, как он тут же требовал достать еду.

— Мой сын еще маленький, восемь месяцев. — Мужчина снова улыбнулся, теперь уже своим внутренним мыслям. Было видно, что вспоминать о своем сынишке ему радостно. — Но думаю, что подрастет и тоже будет любить есть в поезде. Что ж, давайте знакомиться. В купе мы с вами вдвоем, и есть надежда,

что так и останется до самой Москвы. Меня зовут Никита Чарушин. Возвращаюсь домой из командировки. А вы сами местная?

— Да. Я живу в Казани, — кивнула Нина. — И, наоборот, еду в командировку. А зовут меня Нина Григорьевна Альметьева. — И, немного подумав, добавила нехотя: — Можно просто Нина. — Фамильярности она не любила.

Настроение у нее снова испортилось. Скорее всего, из-за слова «командировка». Даже самой себе Нина не хотела признаваться, что волновалась из-за нее ужасно. Командировка неожиданная, заранее неприятная, и, будь Нинина воля, она бы от нее обязательно отказалась. Но в этот раз начальник отчего-то даже не захотел слушать ее доводов. Это было странно, потому что с начальником — основателем и руководителем крупной юридической конторы Сергеем Павловым — она состояла в отношениях близких, гораздо более близких, чем предусматривала корпоративная этика. Вот уже пять лет они были любовниками.

Неженатый Сергей уже три или четыре раза делал ей предложение, но, обжегшаяся на молоке, Нина теперь дула на воду и категорически отказывалась снова вступать в брак. Пару раз в неделю она оставалась у Сергея на ночь, поскольку восемнадцатилетнего сына вполне можно было оставить дома одного, вернее, не совсем одного. К нему тут же приходила девушка, и подобный расклад Нину устраивал и без всякого штампа в своем паспорте.

Сергей не настаивал, и Нина была уверена, что предложения он делал просто для проформы. В то, что Сергей ее любит, она не верила, понимая, что просто ему удобна. У них были общие интересы, служебные и не только, которые можно было обсудить после занятий любовью, схожие темпераменты и взгляды на жизнь. С Ниной было не стыдно выйти в свет — красавицей она не была, но к своим тридцати семи годам сохранила изящную фигуру и миловидное лицо, одевалась со вкусом и выглядела стильно и ухоженно.

Сын ее был парнем самостоятельным и приличным. Учился хорошо, окончил школу и поступил в институт на бюджет, не транжирил мамины нервы и деньги, не курил, не пил, не кололся, занимался спортом, но без фанатизма. С фанатизмом он относился лишь к подаренной ему на восемнадцатилетие машине. Глядя на сына, Нина иногда с усмешкой думала, что он родился за рулем. На самом деле почти так оно и было. Она родила в машине, но вспоминать об этом моменте своей жизни она не любила.

Итак, командировка. Когда Павлов вызвал Нину к себе в кабинет и объяснил суть задания, она сначала даже оторопела от изумления. Их адвокатское бюро должно было провести юридическое сопровождение похорон и оглашения завещания миллионера Георгия Липатова, скончавшегося на восемьдесят шестом году жизни. Когда-то давно Липатов был генеральным директором знаменитого Череповецкого металлургического комбината, который успешно акционировал в перестроечные годы. Последний «красный директор»

рыночных веяний не понимал, а потому принадлежавшие ему акции продал и ушел на покой, обеспечив себе достойную старость.

Переехал в соседнюю область, купил бывшую барскую усадьбу на утесе над Волгой, протянул туда, как он сам говорил, «водопровод и цивилизацию» и поселился уединенно в сельской тиши, не привлекая к себе лишнего внимания более четверти века. И вот он умер.

— А мы тут при чем? — устало спросила Нина. — Если я что-то понимаю в географии, Казань от этой усадьбы далековато. Он что, в своей области адвокатской конторы не нашел?

— Я с ним давно знаком, — признался Сергей. — Ему меня не кто-нибудь, а Генрих Падва посоветовал. Липатов создавал трастовый фонд и не хотел иметь дело с громкими и крупными фирмами, ему был нужен кто-то мелкий, но надежный, а тут я и подвернулся.

— Сережа, — Нина смотрела внимательно, и он нагнулся, завязывая и без того завязанный шнурок на дорогом ботинке, — таким людям, как Липатов, не подворачиваются. Они точно знают, чего хотят.

— Какая разница? — Павлов занервничал, и Нина начала нервничать тоже. — Он несколько лет назад заключил со мной договор на юридическое сопровождение всех мероприятий, связанных с его возможной кончиной. Похороны послезавтра, все, что нужно сделать и заказать, я уже сделал и заказал. В рамках наших с Липатовым договоренностей с той стороны мне помогает человек, которого он оставил своим

распорядителем. Но представитель нашей фирмы должен успеть приехать в усадьбу Знаменское до похорон, встретить всех наследников, познакомиться с ними и присутствовать при оглашении завещания, соблюсти все необходимые формальности и пробыть на месте вплоть до девятого дня. Это, кстати, обязательное условие не только для нас, но и для всех наследников. Если они претендуют на наследство, конечно.

— Мы же с тобой не претендуем, — резко сказала Нина. Перспектива уехать в неведомое ей Знаменское пугала ее чуть ли не до обморока. — Я так не претендую точно. Если уж ты ввязался в это дело, сорвал на этом Липатове неплохой куш и теперь не можешь отказаться, то пошли кого-нибудь другого. Почему я?

— Потому что я так решил, — резко сказал Павлов. Никогда, никогда до этого он не позволял себе так с ней разговаривать. — Потому что ты — мой лучший сотрудник. — Он снизил обороты, видимо понимая, что ничего не добьется прямым давлением. Нина была из другого теста. — Нина, я очень тебя прошу, поезжай. Я не могу всего тебе рассказать, но мне нравился этот старик, и я хочу, чтобы его последняя воля была исполнена, раз уж так получилось, что это зависит от меня.

— Хорошо, я поеду. — Нина и сама была удивлена вдруг неизвестно откуда взявшейся в ней решимости. — Терпеть не могу наследственных дел и от этого самого Знаменского не жду ничего, кроме головной боли. Но я поеду. Как зовут того человека, которого ты назвал распорядителем дел Липатова? С кем я там должна буду решать все вопросы?

— Вот и хорошо. — Павлов обрадовался так явно, что ей стало смешно. Она прекрасно знала своего любовника, а также то, что он терпеть не может скандалов. — А координаты человека, с которым ты должна будешь поддерживать связь и оперативно решать все вопросы, я тебе дам. Его зовут Рафик Аббасов.

— Добрый друг, — задумчиво сказала Нина. Павлов внимательно посмотрел на нее:

— Ты его знаешь?

— Балда. — Она подошла и легкой рукой растрепала его волосы. Сергей любил, когда она так делала, и встряхнул головой, понимая, что опасность бури миновала. За внезапную и не очень приятную командировку Нина на него не сердится. — Имя Рафик в переводе с азербайджанского означает «добрый друг».

— Я всегда знал, что ты — потрясающе умная женщина. И откуда только ты все знаешь? Каждый раз удивляюсь. А что касается поездки, так это же меньше двух недель, — теперь Павлов говорил извиняющимся голосом, — заодно отдохнешь от всех остальных дел. Выспишься хорошенько на свежем воздухе. Там тихо должно быть, за городом-то. И вообще. Неужели тебе неинтересно посмотреть, как живут миллионеры?

Даже самой себе Нина ни за что бы не призналась, что да, интересно. Еще как. И что ее внезапное решение отправиться в Знаменское как раз и объясняется этим так некстати вспыхнувшим интересом. Уж тем более она не могла поведать об этом своему случайному попутчику, с которым оказалась в одном

купе. «Я еду в командировку», — вот и все, что она могла сказать.

— Пойду хоть чаю нам раздобуду, — сказал попутчик. Блики играли на стеклах его очков в круглой оправе. Ну точь-в-точь чеховское пенсне, еще бы бородку ему клинышком, и было бы совсем похоже. — Черный? Зеленый? Сахар? Лимон?

— Черный без сахара, а лимона два кусочка, если можно, — попросила Нина. — Спасибо вам, Никита. А то мне что-то грустно стало. У меня всегда перед любой поездкой такая вот беспричинная грусть. Не люблю из дома уезжать.

Он сходил к проводнице и принес два стакана чаю в железных подстаканниках, бывших таким же обязательным и вневременным атрибутом поезда, как жареная курица. Вкусно запахло лимоном. Чай оказался горячим и крепким, и Нина, обхватив кружку длинными изящными пальцами, немного расслабилась. Ну, не съедят же ее в этом Знаменском, в конце-то концов.

— А я раньше, наоборот, очень любил уезжать из дома, — попутчик продолжил прерванный разговор. — В поездках все всегда новое, неожиданное, не уныло-рутинное, а со вкусом приключений, что ли.

Нина представила возможные приключения и поежилась от внезапно охватившего ее холода.

— А сейчас что, надоели приключения? — спросила она, чтобы отвлечь саму себя.

— А сейчас я снова женился, и дома мне так хорошо, что во всех остальных местах плохо, — серьезно

сказал он. — Вот сейчас еду и знаю, что меня ждут. Это же очень важно — знать, что тебя ждут дома.

Нина покосилась на него и ничего не ответила.

* * *

Дверь он открыл своим ключом, стараясь действовать как можно тише, чтобы не разбудить малыша, если тот еще спит, но Полина уже ждала его в коридоре, чтобы с размаху прыгнуть, повиснуть на шее, ткнуться носом в ложбинку между ключицами и вдохнуть мужнин запах, такой родной, такой знакомый.

— Привет, Пони, — ласково сказал Чарушин, продолжающий звать жену ласковым прозвищем, когда-то давным-давно данным ей отцом. — Как вы тут с Егоркой без меня?

— Мы с Егоркой хорошо, а без тебя плохо, — сообщила Полина, снова потерлась об него носом и отстранилась, давая мужу возможность раздеться и хотя бы поставить чемодан, который он все еще держал в руках. — Пойдем, я тебя покормлю. Мне нужно с тобой поговорить.

— Что-нибудь случилось? — осведомился Чарушин, хотя понимал, что ничего серьезного случиться не могло, иначе жена вела бы себя иначе.

— Нет. — Она пожала плечами и потянула его за рукав джемпера. Мол, проходи скорее. — Вернее, у нас все хорошо. И у мамы с Олей тоже. И у твоих родителей.